

ТОМАШ

КОЛОДЗЕЙЧАК

ЧЕРНЫЙ ГОРИЗОНТ КРАСНЫЙ ТУМАН

ПОСЛЕДНЯЯ РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ

Томаш Колодзейчак

Черный горизонт.

Красный туман

Серия «Fanzon. Польская фантастика»

Серия «Последняя Речь
Посполитая», книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67090785

Черный горизонт. Красный туман: Эксмо; М.; 2022

ISBN 978-5-04-164382-9

Аннотация

Великая Война нарушила законы физики, и мир людей пересекли чужие измерения – Планы, из которых пришли эльфы. Но не только они. Пришло зло. Балроги, питающиеся страданиями, несущие смерть и чудовищные мутации всему живому.

Каетан Клобуцкий – королевский географ, воин-маг, владеющий мощными артефактами. Он способен ориентироваться в постоянно текущем, измененном магией мире.

Очередное задание короля-эльфа – билет в один конец, поход за Горизонт событий. Но когда это останавливало того, кто выжил в аду?

Наступила Эпоха Геенны. Реальность лопнула, как мыльный пузырь, и над миром сгустилась смерть.

Нет, нас не хотят завоевывать. Черным не нужны ни земля, ни богатства, ни рабы. Их интересует только причинение боли. Она нужна им как воздух. Черные питаются болью.

Мы боремся с элементарным злом. С помощью технологий и заклинаний. Пулеметом и мечом. Бомбой и молитвой. Нам пришлось заново открыть давно забытые ритуалы, руны, жесты и суеверия. Использовать национальные символы и магические артефакты. Границы свободы нашего мира отмечают менгиры, священные дубы и оцетинившиеся стволами бункеры. За ними – лишь смерть, Черный горизонт и Красный туман.

Темное фэнтези от лидера польской Томаша Колодзейчака – сериал «Последняя Речь Посполитая». Роман и сборник под одной обложкой! Дизайн Dark Crayon.

Финалист премии им. Ежи Жулавского, премии им. Януша А. Зайделя, премии SFinks.

«Пьянящая фантазия альтернативной вселенной – Республика возрождается в мире, разрушенном и спасенном магией из других миров. Приключение, диверсия, разведка на чужой территории – просто прекрасно!» – lubimyczytac.pl

Содержание

Черный горизонт	6
Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	24
Глава 3	42
Глава 4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Томаш Колодзейчак

Черный горизонт.

Красный туман

Tomasz Kołodziejczak

CZARNY HORYZONT

Copyright © 2010 by Tomasz Kołodziejczak

CZERWONA MGŁA

Copyright © 2012 by Tomasz Kołodziejczak

© С. Легеза, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Черный горизонт

Пролог

Красное солнце уже скрылось за горой, чья карминная тень опрокидывалась на растущий у подножия лес и спрятавшийся в нем поселок.

Это было довольно крупное поселение. Угрюмые дома с трех сторон обступали центральную площадь. Уцелевшие бетонные стены послевоенных руин обшили деревом и камнем, небрежно и без особого умения. Большая часть домов была без окон, а немногочисленные отверстия в стенах закрывали деревянные ставни. Четвертая сторона площади выходила на поля, сюда вела широкая дорога, остатки асфальтового шоссе старых времен: посыпанная шлаком, чернившим босые стопы путников.

Именно этим трактом пришел конвой: черный червяк, воносящий потом, калом и кровью, состоящий из нескольких десятков взрослых и такого же числа детей в возрасте четырех-пяти лет.

– Стоять! – хриплый крик прорезал воздух, долетев до идущих в две шеренги людей.

Резкий удар боли прошил их спины, словно удар бичом. Почти одновременно все они упали на колени, повернув-

шись в сторону йегера и непроизвольно склонив головы. Дети плакали, пытаясь придвинуться к родным, но те не реагировали. Девочка, маленькая и худая блондинка со спутанными волосами, вместо того, чтобы упасть на колени, подбежала к матери. Но дождалась только удара по лицу. Кровь брызнула у нее из носа, ребенок покачнулся, упал, заревел в голос. Женщина даже не взглянула на дочку, лишь еще сильнее скорчилась, согнулась в поклоне, впиваясь пальцами в землю. Не помогло.

– Ты! – Скакун йегера даже не шевельнулся, но на миг показалось, будто слуга балрогов приблизился к женщине, склонился над нею, вырос.

Черная немезида вынесла приговор.

Женщина затряслась, пала лицом вниз, изо рта ее потекла пена, из ушей – кровь. Корчилась на земле, но, даже умирая, она не отважилась произнести ни слова.

– Плохо воспитывала. Слишком ласково.

Йегеры редко говорили длинно. Не давали они и хороших советов. Порой, как этот вот ваффенриттер, они поучали. Не слишком часто – похоже, любили, когда люди нарушают правила, поскольку тогда их можно было наказывать.

Как эту мать, которая не научила свою дочь покорности и послушанию. Дальше на западе детей отбирали у рабынь сразу после родов, но тут, в Восточной Марке, система все еще не работала как должно.

Но заработает. *Ordnung muss sein*¹.

Но пока что йегеру нужно было доставить этих людей в указанное место. Детей проверят, а потом – отдадут. Родители погибнут, а смерть их насытит кожу транспортов, ежедневно уходящих отсюда к столице. Боль умирающих даст силу охранным фагам и выстроит вокруг экипажей магические барьеры, Миражи, охраняющие их от шпионских глаз, да будут они прокляты.

Ваффенриттер уже чувствовал силу этого места, странную и чуждую магию Горы. Он хотел как можно быстрее вернуться на запад, где логова Владык наполнят его сознание наслаждением. Чтобы успокоиться, он несколько раз хлестнул плетью магии своих пленников. Помогло.

Потом он махнул рукой. Местные рабы, до того времени ожидавшие в стороне, прошли меж стоящими на коленях людьми. Они были скорее подростками, чем взрослыми, с изуродованными лицами, со следами ужасных ран, некогда им нанесенных. Левые глазницы их заслоняли грязные и потрепанные полотняные повязки. Они поднимали детей, всматривались в их лица, порой били по щекам, следя за реакцией. Приближали к себе головки малышей, и тогда из-под повязки на глазу проскакивала вспышка, искра яркого света, на миг конденсируясь в воздухе в тонкую, жилистую ветку, прикасавшуюся ко лбам и глазам детей.

Они знали: каждое движение их отслеживается йегером, и

¹ Порядок должен быть (нем.).

если совершат ошибку, то и сами присоединятся к колонне. Отбор должен дать Дракону лучшую кормежку, чтобы попало как можно меньше похожих на них: клейменных, но отринутых.

Родители ожидали в молчании, а ваффенриттер время от времени стегал их болью, чтобы заглушить зуд чужой силы, проникающей под его черный доспех, да еще чтобы дать себе предчувствие лукуллового пира, который начнется одновременно с вечерними убийствами.

Глава 1

Тропинка шла параллельно реке, обычная земляная насыпь, со слоем щебенки, облицованная вязанками хвороста. Достаточно широкая, чтобы между деревьями хватило места коню и всаднику, сильно заросшая; ею пользовались только военные патрули, что присматривали за этими землями, и геоманты, ухаживавшие за поставленными на берегу пограничными столпами. За рекой начиналась ничейная земля.

Ночь была ясной: почти полная луна золотистым сиянием расцвечивала небосвод, гладкий, словно зеркало темного стекла с впаянными желтыми крошками звезд. Когда Каетан поднимал глаза, то видел над собою ленту этого бескрайнего свода, совпадающую с ходом лесной тропы. Ветки деревьев, вырастающие над ней, казались царапинами и трещинами на черной поверхности неба.

Конъюнкции были хорошими, время Рака, что звался также Вратами Человечества. Марс лучился силой, Юпитер прекрасно виден. Подходящий момент для начала опасных предприятий.

Конь ступал неспешно, словно с осторожностью, а то и неохотой. В какой-то момент даже тряхнул головой, фыркнул, дернул шеей. Каетан склонился в седле, похлопал скакуна, тихо шепнул:

– Что, старый друг? Снова я беру тебя в место, где не най-

дется уже хорошего овса из армейских складов. Ха, это и вправду будет небезопасное путешествие. Но не покидай меня, прошу. Один за всех, все за одного.

Титус снова дернул головой, но на этот раз уже спокойней.

– Ну, конек, мы справимся. Всегда справлялись.

«Всегда» означало последние пару лет. К счастью, новые кони удобней новых любовниц: они не спрашивают, что случилось с предыдущими. А Каетан не смог бы рассказать им ничего веселого. Булат сгорел живьем. Гед, со сломанными ногами, добит выстрелом в голову. Майор пропал без вести. И Крак, и Герильяс, и множество прочих. Четырнадцать имен, вытатуированных на правой руке, четырнадцать составных частей силы, которая позволяет вести очередных скакунов сквозь огонь, туман магии, сквозь залпы, смрад йегеров. На смерть.

– Ты вернешься, Титус. Я обещаю, что вернешься. Пусть бы и без меня.

Заверение это, похоже, успокоило коня, и хотя он фыркнул снова, теперь в этом звуке слышались спокойствие и доверие. Каетан не обманывал. Верил, что удастся. Верил, как и все прошлые разы.

Поворот к реке был засажен деревьями, что поросли светящимися в темноте трутовиками. Сияние их было тошнотворным, зеленовато-синим, многие из путников его и не заметили бы среди сплетенных ветвей и густой листвы. Вскоре тропа чуть раздалась, а деревья начали редеть. К шуму ле-

са, нарушаемому только перекличкой ночных созданий, добавился монотонный звук – мелодия текущей реки. Некоторым людям кажется, что шумят только горные ручьи и что гремят лишь падающие с высоты водопады. Что широкие реки долин, усыпленные своим неспешным течением, беззвучно несут воды к предназначению, к нирване пресной H_2O , растворенной в космосе океана. Возможно, так когда-то и было – когда мир казался простым и безопасным, описанным квантовой физикой и теорией эволюции, четко очерченным Эйнштейном, Банахом² и Хокингом. Но не теперь. Нынче река рассекает не только скалу, но и геомантические поля, несет песок и частички растворенной магии, дает дом как щуке, так и созданиям куда опасней. Река может плакать и спать, может рассказывать, если кому хватит сил ее расслышать. Даже когда она течет медленно, равнинно-сонная, меж-ивово-сентиментальная, сторожкое ухо все равно выхватит ее шум и прочтет подаваемые знаки.

Каetan реку сначала услышал, а увидел ее, лишь выехав из леса прямо на песчаный пляж. Темная вода была мутной, отражала свет звезд, но бледно, размыто, так, что лишь слабый отблеск скользил волнами. Круглый диск луны превращался в размытое овальное пятно, рябящее в ритме движения воды. Но благодаря этим отблескам удавалось заметить, как меняется течение. Оно было неровным, плоским, при-

² *Банах Ст.* (1892–1945) – польский математик, один из лидеров Львовской математической школы.

вычным для равнинных рек. О нет! Раз за разом здесь вставали волны, иногда широкие, от берега до берега. Внезапные преграды бугрили ее течение, волна росла, двигалась, чтобы через десяток секунд расточиться и уступить место новой. Одновременно на поверхность прорывались и поперечные потоки, неритмичные и пугающие. Эти рождались реже, но неожиданней; вода тогда вставала почти вертикальной стеной, на миг недвижно замерев, а потом резко неслась к противоположному берегу. Порой такие фронты рождались одновременно по обе стороны реки, бежали друг к другу, будто фаланги двух армий, чтобы столкнуться, разбиться и рассеяться посреди потока. Возможно, так оно и было – возможно, это напряжение геомантической магии, хранящей польский берег, отражало атаки хаоса, как боевые отряды защищают отчизну от орд варваров.

Столь же внезапно в реке возникали и водовороты, способные проглотить лошадь вместе с всадником, то и дело здесь слышались всплески, когда нечто огромное било хвостом по воде; растопыренные тени выныривали и проходили под поверхностью.

Все эти водовороты, волны, водопады раз за разом взблескивали отраженным светом, перекрывали друг друга, погружаясь в тень, сплетались и расточались. Порой блеск на поверхности, казалось, складывался в сложные узоры, изменяясь согласно ритму неясных, но реальных правил. Матрицы эти сливались в огромные световые пятна, чтобы через миг

вновь распасться на тысячи дробинок. Пятна света и тьмы, казалось, строили и размывали картины, множась и погибая в столкновениях с более сильными узорами. Словно они были частями мгновенного эволюционного процесса, слишком быстрого для человеческого взгляда и его инструментов познания, но при этом подобного идущей миллионы лет эволюции живых существ.

Каетан глядел на реку молча. Наконец он сдвинулся с места, направив коня вправо, к вырисовывающейся в темноте высокой сглаженной форме. Геомантический монолит стоял, вдавленный в поросший редкой травой песок, примерно на половине расстояния между лесом и берегом. Его окружала низенькая ограда из медных прутьев, покрытых усиливающими заклинаниями. Да и сам камень, параллелепипед высотой метра в четыре, был исписан охранительными рунами и надписями. Геоманты позволили себе несколько без малого агрессивных заклятий, которые сумели бы – при благоприятных асцедентах – даже атаковать пришельцев на другом берегу. На верхушке монолита стоял каменный крест, а на каждой из граней был вырезан орел в короне.

Каетан остановился у камня. Не сходил с коня, просто склонил голову, произнося молитву перед последним отчим ларом. Уже через миг он ощутил мурашки на коже – словно по ней бежали миллионы мушиных лапок. Но это не было неприятным – скорее, ласковым, мягким. Камень одарял его накопленной силой. Каетан чувствовал, как воздух вокруг

него и коня сгущается от нанокадабр. Он завершил «Отче наш» и плавно перешел к защитным мантрам, желая усилить воздействие монолита.

Когда он решил, что готов, то легким толчком пяток заставил коня развернуться. Направил его чуть в сторону, к маленькому каменному столбу у самого берега, тому, что обозначал брод. Титус не протестовал, тоже, видимо, чувствуя, что он в безопасности. И только когда вода намочила его копыта, тихо заржал. Что-то плеснуло неподалеку справа, гладь реки впереди забурлила, газовый пузырь тихо лопнул чуть ли не под ногами. Но конь шел спокойно. Казалось, вода отодвигается от всадника, создает углубление, ровик, идущий от берега к берегу. Неспokoйная река зло зашумела, принужденная к движению против своей воли, но не решилась атаковать броню нанокадабр, охраняющих человека и его коня.

Когда они добрались почти до середины потока, там, где власть менгиров резко ослабевала, река вскипела, приподнялась, хаотическая магия пыталась захлестнуть пришельцев. Встала высокой волной, будто брызгами от водопада, бьющего снизу, наперекор силам гравитации. Усиливаясь с каждым мгновением, та перла на всадника, уже превосходя его ростом.

Каетан не подгонял коня. Он привстал в седле, отпустив повод, прошептал заклинание. Пальцы его выплетали сложные знаки боевых ката, двигаясь в беззвучном ритме, будто играя на невидимой арфе. А потом человек резко оборвал

эту игру, поднял руки. Между его ладонями появилась светящаяся лента, которую он резко швырнул в сторону волны. Сверкающая полоса на лету сформировала петлю, та перерезала водяную гору, а потом захлестнулась на ней, словно на шее огромного монстра.

На миг все замерло, а река утихла. А потом волна распалась с громким плеском, в брызгах, заливая коня и всадника струями воды.

На другой берег они выехали мокрыми, но в безопасности. По крайней мере, на время.

Позади осталась Речь Посполитая, перед ними раскидывались дикие, почти безлюдные земли Зоны.

Он оставил позади далекую Польшу, мир стабильной географии, удерживаемой в неподвижности магией эльфов, мегалитами и церквями – гвоздями, прибивающими горизонт к основаниям мира. Теперь же он покидал и Западные Кресы³, пояс земли, шириной примерно километров в сто, что тянулся вдоль границы – куда едва-едва вернулась власть людей. Здесь ставили крепости, здесь геоманты стабилизировали географию, здесь почти каждый день велись битвы с тварями и силами, насылаемыми балрогами. Но все же это была уже Польша: возвращаемая с трудом и в постоянных стычках, но – Польша, земля людей и эльфов. Вокруг военных твердынь вырастали пригороды, вставали фермы и фабрики

³ «Кресами» в польской традиции назывались восточные окраинные регионы Второй Речи Посполитой, находящиеся сейчас в границах Украины.

по переработке пищи, малые биоперегонные заводы, водные электростанции и ветряные мельницы. За армией шли гражданские: поляки, беженцы из Украины и Венгрии, русские и финны. Оседали здесь и немногочисленные беглецы с запада, которым удавалось выбраться из-под власти Черных.

И вот эту наполовину безопасную, все еще отравленную магией землю нынче и покинул Каетан. Он не впервые пересекал пограничную реку, чтобы открывать новую Европу, лежащую под властью балрогов. Он, Каетан Клобуцкий, королевский географ.

Он въезжал в Зону – пространства дикие и безлюдные, анойкумену⁴, прочесываемую разведчиками и контролируемую из космоса через ясенево-мифрильные спутники, но по большей части неописанную и неисследованную. Обитатели этих мест, кто сумел, годы назад сбежали на польскую сторону, а прочих балроги угнали на запад, в рабство. И теперь это была ничейная земля, которой лишь иногда проходили военные отряды: йегеров – на восток, людей и эльфов – на запад. Но было ясно, что какое-то время спустя именно за эти пустоши начнется очередная война, потому как тот, кто их захватит, получит кусок земли и базу для дальнейшей экспансии. Дальше на запад лежала зараженная балрогами Марка. А еще дальше – их царство, Геенна.

Порой пограничную реку Зоны пересекали отважные купцы и искатели довоенных сокровищ. Бывало, что в глубь

⁴ Незаселенная земля, пустоши (древнегр.).

неизведанной территории отправлялись монастырские и гуманитарные экспедиции. Разведка поддерживала контакты с немногочисленными живущими здесь людьми, у нее были свои укрытия и схроны с амуницией. В случае необходимости можно было обеспечить вылазку вертолетов и на двести километров в глубь этой территории.

Как оно и произошло однажды, более двадцати лет назад... Когда он потерял сестру и мать, но нашел отца. В тот проклятый и благословенный день, который принес ему свободу и лишил всего, что он знал.

Он въезжал в землю текучей географии и пространства. Туда, где дороги меняли направления, а взгорья выпирали в местах, где всего год назад лежали равнины. Реки здесь исчезали, а на месте лесов раскидывались озера. Карты, сделанные на основе смазанных спутниковых данных, менялись чуть ли не еженедельно, словно земля и покрывающий ее ковер растительности, человеческих селений и вод были текучей массой, постоянно меняющейся под воздействием геомантических сил.

Он исследовал эти изменения. Регистировал. Порой ему даже казалось, что он понимает, как все это действует. Случалось, он пытался растолковывать это другим.

– Не понимаю, – сказала ему как-то Лучия, – как это возможно? Как география может меняться? Как город однажды может быть на этом месте, а на следующий день – в другом?

Они сидели в ее квартире, на кухне, за вечерним чаем.

Обычно, когда ему случалось навещать Варшаву, ночевал он именно у тетки. Некогда он бывал в столице чаще.

— Это еще ничего, — отвечал он. — В марте через тот город течет река, а в июле — уже нет.

— Вот именно.

— Вот именно, — согласился он, поглядывая на нее прищуренными глазами.

— Не делай так, — сказала она резко.

— Это как же?

— Не таращись на меня этим своим телячьим взглядом.

— Телята щурятся? Впервые слышу. Большинство телят, каких я знавал в своей жизни, обладали большими, черными, распахнутыми глазами — конечно, не считая тех, которых я знавал на тарелке, при помощи ножа и вилки.

— Не задавайся, паренек. Молодые человеческие телятки именно так и глядят — молодые самцы то есть. На старых коров, таких, как я, на самок то есть. Если так вот прищурятся, то лица женщин после сороковника становятся красивее. Не видны морщинки, редющие волосенки превращаются в легкую дымку, а поскольку глаза твои слезятся, то и глаза женщин, за которыми наблюдаешь, начинают словно бы блестеть. Женщины после пятидесяти такого не любят. Таких взглядов то есть.

— Но тебе, тетя, еще нет пятидесяти.

— Но будет, увы. Так что?

— Что — так что?

– Эта география. Как она работает? Не понимаю. – Она поднялась с кресла, чтобы прикрутить радио.

– Тетя, ты понимаешь, как действует компьютер? Как он устроен, и что такое транзистор? Ты ведь пользуешься компьютером ежедневно.

– Хотела бы я ежедневно. Но в институте такая очередь в зал с терминалами, что мне удастся туда пролезть в лучшем случае дважды в неделю. – Тетка имела привычку перескакивать с одного на другое, отступала от темы, вводила новые сюжеты, касалась личных проблем. Но ей, как правило, удавалось найти обратную тропку к главной теме, словно, даже произнося очередные фразы, она удерживала Тезееву нить беседы. Порой переходы бывали внезапны, и Кастану требовалось некоторое время, чтобы понять, о чем теперь у них идет речь. Как сейчас, например. – А ты, юноша, слишком-то не задавайся. Понятное дело, я, конечно, не понимаю, как работает транзистор, хотя и использую радио. Но я знаю, что кто-то знает, потому как он же его создал. А ты у нас – географ, а стало быть – специалист по географии. А потому я готова поспорить, что ты сумеешь мне объяснить, как оно действует. В смысле – подвижки местности, а не компьютеры.

– Это как плодовый кисель.

– Разверни метафору, юноша.

– Представь себе миску с густым киселем, в котором есть плоды. Структура упругая, но связная. Пока без движения,

но... ложка уже торчит внутри. – Каетан сделал драматическую паузу.

– Ну и?

– Ты начинаешь его мешать. Очень медленно, осторожно. Масса движется, кусочки фруктов изменяют взаимное расположение, сближаются, удаляются, порой слипаются, порой ложка твоя разотрет один из кусочков так, что тот исчезнет или смешается с другим. Но сколь упорно бы ты ни мешала, получаешь тот самый кисель в той самой миске, вот только отдельные плоды теперь в других местах.

– А что с Германией и Францией?

– Если приблизительно, то границу создают Одер, Атлантика, Альпы и Пиренеи. Водоразделы, тектонические плиты, культуросферы. Балроги воткнули в эту миску свои магические пальцы и принялись мешать. Мы тоже приложились во время Великой Войны. Теперь уже поспокойней, но кисельные слои и фрукты продолжают потихоньку менять свое положение.

– А ты? – Теперь она для разнообразия поднялась, чтобы сделать музыку погромче. Радио чуть затрещало, но уступило стараниям. Из динамиков полилась мягкая старая мелодия и хриплый голос вокалиста, что пел о сне в долине. Как видно, Лучия нынче была настроена на тематику странствий, пусть бы даже и в такой олдскульной версии.

– А я – географ. Обладаю силой Ключа Перехода. Нахожу путь напрямик. Создаю лоции. Знаю, где нахожусь, даже ес-

ли кисель перемещается. Умею читать местность. Есть вероятность, хотя это и не подтверждено, что я локально стабилизирую географию. Как если бы кисель ко мне не приставал.

Он поднялся, подошел к кухонному шкафчику, выдвинул ящик.

– Ну ладно, однако как это возможно, что река один раз протекает через город, а другой – нет. Ведь если один раз уничтожить плод в салатнице – второй раз ему взяться неоткуда.

– Тетя, не знаю. Кисель – это просто упрощенная аналогия. Так оно приблизительно действует. Ну, а сейчас... – пробормотал он, копаясь в плотно втиснутых в ящичек мешочках, коробочках и сверточках из шоколадной фольги.

– Такого я тоже не люблю.

– Э-э... чего, собственно? – Он выпрямился, улыбаясь, держа в руке бумажный кулек.

– Когда роешься в кухонных шкафчиках.

– Ну что ты, тетя. Я бы киселя съел. С фруктами.

Как помнилось, кисель был первоклассный. Малиновый.

Каетан любил вспоминать. Его экспедиции тянулись неделями. Случалось, что большую часть времени он не встречал людей. Потому разговаривал с лошадьми и восстанавливал в памяти беседы с близкими людьми. Порой болтал сам с собой. Но эта привычка всегда, когда он возвращался, исчезала. Будто в мозгу переключалось какое-то реле, при-

способливая работу разума – а в результате и язык с поведением – к новым условиям. Эти подсознательные направляющие разума прорезывались и раньше. Он уяснил их себе еще подростком. С отцом разговаривал совсем другим языком, чем с теткой, с которой не позволял себе никакой вульгарности. Но когда шел на тренировку, входил в раздевалку и встречал приятелей, моментально принимался ругаться как сапожник. Едва лишь заканчивал упражнения и покидал тренировочный зал, снова переключался на образ «культурный подросток».

Кстати сказать, это ведь забавное определение: «ругаться как сапожник». В селе у них был сапожник, одноногий лысый Ян Валюшевич, и от него Каетан ни разу не услышал ни единого непристойного слова. Даже когда йегеры сожгли скотный двор – не проклинал их. Даже когда позже они убили единственного сына сапожника. Он просто повесился у себя в доме, где всегда стоял тяжелый запах, смесь пота, кожи и клея. Вежливый и тихий, как и при жизни.

Нынче, перейдя границу реки, Каетан возвращался в мир сапожника Яна Валюшевича. И других, кого он прекрасно помнил, несмотря на то что они были давным-давно мертвы.

Глава 2

Заклинания порхали в воздухе, как многоцветные осенние листья, поднятые внезапным порывом ветра. Проблема для дворников, радость для дошколят и вдохновение для сентиментальных поэтов. К счастью, на улицах сейчас не было ни одного ребенка или дворника, не говоря уже о поэтах. Времена не способствовали лирическим стихам.

Зато несладко пришлось голубю, которого гром взрыва испугал и оглушил настолько, что птица утратила свои обычные, хотя и редко приписываемые этому виду летные умения. Голубь взлетел с улицы, вознесясь вверх, но не сумел разминуться с одним из заклинаний. Когда коснулся крылом желтого квадрата бумаги, раздался громкий скрип, словно кусок жести прошелся по бетонной стене. Заклинание вспыхнуло, а птица превратилась в чудовище. Крылья его внезапно удлиннились, головка раздвоилась, потом учетверилась, а коготки блеснули, превратились в алмазные когти. Бывший голубь ударил новыми крыльями, а потом внезапно нырнул, несясь прямо к Роберту. Уже даже выбрал цель атаки. Левый глаз человека.

Глаз этот Роберт считал предельно полезным, и когда вдруг понял, что может бесповоротно его лишиться из-за глупого заколдованного голубя, ему сделалось крайне печально. Голубей он не любил: те пачкали балконы и, как кры-

сы, разносили насылаемые балрогами болезни. Но раньше он воспринимал их лишь как обременительных, но мало интересных вредителей. Теперь же ситуация обострилась. Те, кто покушался на его жизнь, идеально выбрали место нападения.

Трасса через Кавенчин шла через центр городка, между шеренгами четырехэтажных жилых домов, где на первых этажах были магазинчики и ремесленные мастерские. Улица не была широкой, по одной полосе движения в каждом направлении, по обеим ее сторонам – узкие тротуары.

Взрыв, который разорвал военный фургон, выбил и стекла во всех окрестных окнах, засыпав сапожные и портняжные мастерские слоем стеклянного крошева, известки и щепок. Фонарные столбы покосились к стенам домов так, что издали походили на руки некоего гигантского Шивы. Грузовик встал поперек улицы, чуть наискосок, идеально заблокировав при этом возможность проезда для арьергардного мотоциклиста. Потому солдаты остановили свою машину и теперь лупили из тромбонов⁵ по носящимся в воздухе заклинениям. Каждая из липких карточек, попади она на дом, улицу или – что хуже – на человека, собаку или обычную муху, могла активироваться и превратить атакованный объект во что-то опасное. В лучшем случае – в неопасное, но требующее потом немалого усилия военных чародеев, что-

⁵ Имеется в виду оружие с коротким расширяющимся дулом; часто использовалось в абордажных боях во времена парусного флота.

бы вернуть этому чему-то изначальный облик и функцию. Мотоцикл, что двигался перед грузовиком, тоже взлетел на воздух. К счастью, с обоими солдатами ничего не случилось. Теперь они укрывались за останками своей машины. Один вызывал помощь по рации, второй обстреливал карточки с заклинаниями.

Хуже всего выглядел водитель фургона. Он вывалился из кабины, залитый кровью, с обвисшей рукой и, похоже, оглушенный. Когда спрыгнул на асфальт, выругался, левая нога под ним подломилаась, он припал на колено. Это, кажется, привело его в чувство: увидев, как один из мотоциклистов пробирается к нему на помощь, отрицательно махнул здоровой рукой. Движение ее сопровождалось – будто риска тушью на комиксовой картинке – полосой из капелек крови. Постаны-вая от боли, он потянулся к висящему на груди плоскому футляру, вынул оттуда круглый металлический амулет. Пробормотал формулу заклинаний, вбросил кружок в кабину и так быстро, как только позволяла распоротая нога, захромал от фургона прочь.

Все это Роберт видел своим прекрасным, совершенно незаменимым глазом еще до того, как голубь решил, что обязательно желает продырявить его алмазным когтем.

На месте нападения Роберт оказался совершенно не случайно. Оно притянуло его, как черная дыра притягивает метеориты, а пентаграммы, рисуемые наивными студентами,

притягивают парней из ЦСБ⁶. Роберт оказался в Кавенчине именно потому, что здесь должно было что-то взорваться, а на улице Варшавской он стоял, поскольку четвертью часа раньше сообразил, что и когда взлетит на воздух. Если, конечно, он, Роберт Гралевский, не остановит террористов. Увы, мало того, что он не сумел выделить нападавших среди прогуливающихся по кавенчинскому бульвару горожан, так еще и опоздал. Именно поэтому он, задыхающийся и злой, смотрел сейчас на порхающие в воздухе карточки с боевыми заклинаниями, что транспортировал атакованный конвой. И на птицу, превращенную одним из заклинаний в боевого монстра.

У него было мало времени, чтобы отреагировать. Даже не успел бы выхватить спрятанный под мышкой «вальтер». Поэтому он сложил ладони, создавая автомираж, и отпрыгнул в сторону. Голубь ударил в лицо фантома, воткнув коготь в место, где должен был находиться глаз жертвы. Зло каркнул, поняв, что спутал цель, резко повернул, почти чиркнув брюхом по асфальту. Чуть поднялся, развернулся, набрал скорость и снова атаковал. Однако на этот раз Роберт уже ждал. Ему удалось ухватить одно из падающих заклинаний: напечатанное на бурой бумаге нейтрализующее лого. Добавил от себя магический импульс, чтобы активировать и усилить нанокадабровую печать, и выставил бумажку в сторону пти-

⁶ Центральное следственное бюро (Centralne Biuro Śledc-ze) – структура польской полиции, созданная для борьбы с организованной преступностью.

цы. Почувствовал знакомую щекотку в пальцах, карточка исчезла, волшебство растворилось в воздухе. Птица ворвалась в его сферу, снова заскрежетало, а она опять превратилась в голубя. Ошеломленный, тот с мягким шорохом грянулся оземь у ног солдата.

А мигом позже сработал брошенный в фургон амулет. Роберт почувствовал идущий от машины бесшумный импульс, который выбил остатки стекол в окрестных окнах, но при этом нейтрализовал и испепелил все заклинания.

– Стоять. Руки вверх! – Роберт услышал громкий приказ и увидел направленные на себя стволы автоматов. Эскорт фургона наконец смог заняться непрошеным гостем – то есть им.

– Полковник Роберт Гралевский, – сказал он быстро, при этом послушно поднимая руки. – Проверьте мои документы, ну! Вызовите помощь и займитесь раненым. Я не могу здесь оставаться. Нападавший взорвал бомбу с небольшого расстояния. Он еще где-то здесь. Попытаюсь его выявить.

Они подходили недоверчиво. Профессионально. Один все время стоял сбоку на безопасном расстоянии, целясь Роберту в грудь, с пальцем на спусковом крючке.

– Никаких резких движений, – предупредил он спокойно. Ему было двадцать, может, двадцать два года. Светловолосый, невысокий, чуть полноватый. Он не казался опасным человеком. Так, обычный срочник. Но кто-то послал его в охране транспорта магического оружия. Через территории теоретически безопасные, но даже внутри страны фургоны

с чарами не сопровождают кто попало. Светловолосый полноватый сержант должен был владеть магией, как и все его товарищи.

Второй солдат осторожно приблизился к Роберту.

– Покажи значок!

– Никаких резких движений, – повторил блондин, похоже, считая, что у подозрительного мужчины проблемы со слухом.

– Хорошо, только давайте спокойно. – Роберт развел полы куртки, расстегнул верхнюю пуговицу рубахи. Серебристо заблестел прямоугольник «бессмертника», толстый кусок металла, покрытый охранными инскрипциями. Импульсы поплыли к «бессмертникам» солдат.

Те опустили оружие, отдали честь.

– Можем чем-то помочь?

– Нет, занимайтесь своей машиной и ранеными. Проверьте, не пострадали ли гражданские. И ждите подмогу.

– Господин полковник...

– Это не ваша вина. Вы не могли предвидеть этой атаки. Я так и напишу в рапорте.

– Спасибо. – Блондин вздохнул с облегчением. – Господин полковник...

– Что еще?

– Вы очень быстрый, я заметил, как вы ушли от птицы.

– Полагаю, вы еще не видели быстрых людей, сержант. Я был слишком медленен. Помните: не расслабляйтесь, охра-

няйте место.

– Процедуры нам известны. А вы?

– А я попытаюсь их достать, – сказал Роберт и бегом двинулся вдоль Варшавской, зная, что через минуту сбежится толпа, забьет ауру и заблокирует дальнейшую погоню.

– Удачи! – услышал он за спиной крик молодого солдата, но уже сосредоточился на задаче. У него была проблема. За нападение отвечал слуга Черных, человек, поскольку никто другой не пробрался бы столь глубоко на польскую территорию. А значит, должен источать ауру, ржавый запах врага. Но Роберт не мог различить этот запах и припоздал на место нападения. Это могло означать две вещи. Или Черные наконец-то создали хорошее маскирующее заклинание. Или же на конвой напали обычные, незачарованные люди, члены одной из сект, держащихся культа балрогов, на чей след контрразведка еще не вышла. Первая возможность означала бы смертельную опасность для оборонительной системы Польши, вторая – реальную угрозу для гражданской территории. Вот только зачем – вне зависимости от истинных объяснений – они напали на не слишком важный конвой с запасом печатных заклинаний, тем самым выдав свое присутствие? Разве что это некая попытка. Тест возможности. Предупреждение.

Роберт быстрым шагом двигался по улице. Искал след, знак, завихрение реальности. Люди вокруг вели себя привычно для подобных ситуаций. Некоторые, не слишком ум-

ные, бежали к месту нападения, чтобы понять, что происходит. Другие, более осторожные, поспешно укрывались в подворотнях или в магазинчиках. Матери успокаивали плачущих детей, мальчишки гнали вверх по улице, чтобы взглянуть, что стряслось, кто-то кричал им вслед, кто-то пытался их удержать. Некоторые окна широко распахивались, и на лежащих там чуть не столетиями подушках поудобней умищивались кавенчинские матроны, чтобы, как и в любой другой день, поглазеть на улицу, на которой наконец-то случилось нечто и вправду интересное. Другие же окна захлопывались, а из-за стекол выглядывали перепуганные, гротескные лица с расплюснутыми о стекло носами. Старик, которому расколовшаяся витрина ранила голову и спину, громко кричал о помощи, с тротуара поднималась женщина, оглушенная, похоже, грохотом, беспомощно пытаясь собрать рассыпавшиеся вокруг яблоки. Из поперечной улочки выскочил молодой полицейский, на бегу расстегивая кобуру, в десятке метров позади двигался еще один, в звании сержанта, постарше и потолще. Мундир наполовину расстегнут. Сам без фуражки, красный и вспотевший, сопел и хрипел, но упорно пытался не отставать от младшего коллеги. Завыли сирены, призывая к ратуше всех ветеранов и членов городских добровольческих служб. Кавенчин толково реагировал на угрозу.

Это городское движение было на первый взгляд хаотично, но, возникая из статистически предсказуемых человече-

ских поступков, обладало своим рваным ритмом, внутренней логикой толпы. Обострившееся восприятие Роберта искало нарушения в этом потоке. Искало реакции, отличные от стандартных. И нашло.

Он увидел мужчину, что входил в небольшой продуктовый магазинчик. Роберт прошел мимо, не в силах заглянуть внутрь сквозь заклеенные рекламами окна. Он был уже в десятке шагов, когда услышал, как двери магазина отворяются вновь. Придвинулся к стене дома, остановился, чуть прикрытый сливной трубой, и выглянул. Мужчина высунул голову наружу, нервным взглядом проверил улицу, потом быстро зашагал, держа обе руки в карманах джинсовой куртки. Ему могло быть как тридцать, так и пятьдесят лет, штаны и обувь – изрядно поношены. Это не свидетельствовало ни о чем. Продолжавшаяся четыре десятилетия оборонительная война не принесла стране и ее жителям богатства. В Польше жило достаточно бедных людей, которые носили штаны, пока те не истребятся. Но у этого человека обувь была не только старой, но и грязной, а дыры на куртке и штанах он не штопал. Бедные честные люди не позволяют себе роскоши небрежности, матери штопают детям трусики и носочки, подрастающие мальчишки ходят в брюках, чьи штанины удлинняют понизу все новыми полосками материи, младшие носят одежду после старших родственников. Выстиранную и аккуратную.

Мужчине не повезло: быть может, пойдя он вниз по ули-

це, Роберт не захотел бы его догонять. Но зашагал он в противоположном направлении.

Роберт отлепился от стены.

– Стой! – крикнул он, подтверждая приказ «вальтером», направленным в живот мужчины. Тот замер, пойманный врасплох, развернулся, собираясь дать деру, но его удержал второй окрик, решительный как по смыслу, так и по содержанию:

– Стой, стреляю!

Мужчина медленно повернулся. Был напуган.

– Я... но ведь... что... – сумел выдавить он, вынул руки из карманов, поднял вверх, в правой все еще сжимая несколько банкнот.

– Что тут происходит? – Из маленькой сапожной мастерской по другую сторону улицы выскочили двое мужчин. Только теперь они заметили в руке Роберта пистолет. И сразу утратили отвагу.

– Вы его знаете?

– Ну, ясное дело, это Вальдек Ведорчук, но...

– Он только что ограбил магазин, тот, продовольственный.

– Вот сукин сын... На кичу снова отправишься! – оживились кавенчинские мещане. – А вы-то, извините, – кто?

– Польская Армия. У меня нет времени, займетесь им?

– Да, господин Польская Армия. – Отвага горожан росла с каждой секундой, тем более что из соседнего магазина вы-

шли еще несколько человек. – Гляньте, и Каська идет!

– Ты магазин не закрыла, – крикнул кто-то приближающейся чуть ли не в маршевом темпе крепкой женщине. Было ей лет сорок, и наверняка в жизни своей она порядком поработалась, но в буйных ее формах, в слишком резко подведенных губах и облепляющем бедра платье было что-то притягательное.

«Долговато я один, – подумал Роберт. – Женщина, мне нужна женщина!»

Тем временем люди перекрикивались, будто ученики, хвастающиеся перед учительницей недавно полученным знанием.

– Вальдек у тебя кассу ломанул. Так с деньгами его и взяли! Ворюга он, ну!

– Ах ты стервец! – Госпожа Катажина быстро сообразила, в чем дело, и двинулась напрямик к вору. Роберт на миг даже испытал нечто вроде укола совести, поскольку понял, что последствия для несчастного Вальдека могут оказаться куда значительней, чем просто наказание за вынутые из магазинной кассы пару сотен злотых. Но куда больше ему досаждало, что он потерял время на то, что должен был делать участковый.

– Оставляю его! – Он спрятал пистолет, протолкался сквозь толпу и двинулся дальше.

– А это кто? – услышал еще из-за спины звучный голос госпожи Катажины и ответ сапожника:

– Как это кто? Польская Армия!

Улица вела к площади, раздваивалась, как змеиный язык, обходя небольшую церквушку. Дому было лет двести, архитектура – типичная для немецких протестантских храмов. Добрые католики, главным образом репатрианты из Беларуси, которых после Второй мировой принял городок, переделали молельню в церковь и защитили ее от народной власти. Та, однако, в рамках борьбы с предрассудками, развалила старые дома вокруг площади и поставила здесь отвратные серые семиэтажки. Дома эти своими серыми ровными глыбами должны были отрезать церквушку от людей и мира, чтобы та зачахла, как растение, лишенное солнца. Не вышло, приход пережил красных, кое-как пережил непростое время начала двадцать первого века, когда множество молодых кавенчан эмигрировали на работу за границу, а другие посчитали, что с католическим клиром им не по дороге. Религиозное возрождение, что пришло одновременно с приходом балрогов, позволило настоятелю собрать средства для покраски храма и чтобы навести порядок в окружающем скверике. Здесь стояли симпатичные лавочки кованого железа и темного дерева, росли постриженные кусты, стояли даже двое качелей для малышей, что должно было привлекать тех идти сюда с родителями на воскресные мессы.

Здесь тоже царило оживление, часть людей бежала на место нападения, часть – возвращалась оттуда. Молодежь на прицерковной площади обсуждала происшествие. Старшие,

помня привычки времен своей молодости и все еще зависящие от сети, сидели по домам и искали новости в городском Интранете.

Роберт пропустил группку велосипедистов, едущих улочкой, и перешел на центральную площадь, чуть не под дверь храма. Остановился. Осмотрелся. Принюхался. Потом вынул из кармана куртки два самоклеющихся листка вроде тех, какие везли через Кавенчин. Пробормотал слова заклинания, посплюнул большой палец и растер немного влаги на покрывающих листок символах.

Один из листков начал меняться, его углы загнулись, он сложился пополам. Через миг Роберт держал в руках бумажный самолетик, куда большего размера, чем листок, из которого тот возник. Роберт снова произнес заклинание и выпустил самолетик: тот полетел, слабо реагируя на порывы ветра. Ищейка, на профессиональном жаргоне называемая глэдослухом.

Второй листок Роберт приклеил себе на лоб, словно пластырь. Листок изменил цвет на телесный, некоторое время Роберт еще чувствовал его жесткую, жмущую оболочку, но потом та слилась с кожей. Теперь он ощущал самолетик, мог наблюдать и контролировать его полет.

Магические листки ввели для армии без малого шесть лет назад. Были они легкими, ими можно было кодировать самые разные заклинания. Очень хорошо пригождались они в миссиях, где нельзя было воспользоваться помощью эль-

фийских чародеев. Позволяли сэкономить слабые магические потенциалы людей и усилить действие заклинаний.

Роберт уселся на лавке, прикрыл глаза. Глядослух облетел церковь, погрузился на пару десятков метров в отходящие от площади улочки. Ничего, никакого следа враждебной магии, как нигде не замечал Роберт и подозрительного поведения людей. Может, он изначально выбрал неверное направление? Нет, он был уверен, что пошел в правильную сторону, ту, откуда напали на конвой. Он доверял инстинктам и потому все еще не погиб. А Роберт побывал во многих ситуациях, в которых выжил только благодаря предчувствиям.

Он открыл глаза. Внимательно разглядывал церковь – покрашенные синим стены, витражи в небольших круглых окошках, крыша из красной черепицы.

Слуга балрогов мог войти в храм, если не был изменен фаговой магией. Если был обычным человеком – сектантом, глупым сатанистом, последователем одной из сотни групп раскольников, которые появились одновременно с изменением мира. Да, тогда бы он мог укрыться в церкви.

Роберт, не торопясь, поднялся с лавки. Принялся безголо-со повторять боевые мантры, готовя тело к схватке. Подошел к храму, открыл двери. Макнул пальцы в емкость со святой водой, ощущая, как сквозь тело проходит теплая, усиливающая его дрожь.

Несколько рядов лавок, небольшой алтарь с деревянными фигурами апостолов. На стенах – крестный путь, нарисо-

ванный в дешевой псевдосовременной манере, деформирующей тела представленных персонажей и превращающей их из свидетелей жестокой и чудесной мистерии в какие-то человеческие карикатуры. Увы, ксендзов все еще не учат красиво говорить, петь и разбираться в искусстве.

Две старые дамы молились на лавках подле алтаря, третья дремала на последнем ряду. Роберт заметил боковые деревянные двери с прилепленным скотчем листком, что гласил: ризница-склеп.

Когда он вынул пистолет из кобуры, старушка на последнем ряду открыла глаза. Он совершил ошибку, не заметив этого, направившись напрямиком в проход. Нажал на ручку, и в тот же миг за спиной его раздался крик:

– Он идет! Берегитесь!

Для старушки у нее был воистину сильный голос.

Обострившимся зрением он заметил движение в конце темного коридора. Прижался к стене. Рывкнул выстрел, пуля просвистела над головой. Он ответил огнем. Там забурило. В него снова кто-то выстрелил, но пуля ударила в потолок, посыпался сухой цемент. Это были любители.

Роберт припал к полу, раз за разом лупил в темноту, в которой вырисовывались две неясные фигуры. Потом услышал отчаянный крик боли и второй голос:

– О Боже! Стой! Мы сдаемся! Ты его ранил!

– Бросайте оружие и медленно подходите с поднятыми руками.

Минута тишины.

– Петрусь не может, он кровью истекает.

– Отбрось оружие! А не то я продолжу стрелять!

– Уже! Не стреляй, не стреляй в поляков!

Он знал, кто они такие. Надо же такому с ним случиться!

Надо же, чтобы эти дебилы напали на конвой! Засранцы!

Бабка из костела орала так пронзительно, что голос ее проникал сквозь деревянную дверь. Роберт знал, что должен проделать все быстро: неизвестно, насколько велика здесь организация и как местные отреагируют на стрельбу в своей церкви. Бумажный самолетик кружил вокруг храма, потом нашел отворенное оконце, влетел внутрь и полетел туда, где находились подвалы. Всего двое. И один в самом деле ранен.

– Оружие! – крикнул Роберт. – Быстро!

Продолговатое нечто ударилось в деревянный паркет, скользнуло несколько метров, чтобы остановиться примерно на половине дороги между Робертом и теми. Темная фигура поднялась с пола, двинулась в сторону офицера. Вторая все еще лежала на полу.

– Руки!

Руки поднялись вверх, свободные рукава сутаны опали, обнажая предплечья и вполне пристойные часы. Тихий шепот молитвы понесся коридором:

– Отче наш, иже еси на небеси...

Роберт встал. Опустил оружие, хотя все время контролировал ситуацию в ризнице при помощи бумажного шпиона.

Потому увидел лежащего на полу и истекающего кровью из простреленного плеча молодого, лет, может, семнадцати, паренька. Только сейчас, когда грядослух был действительно близко, Роберт мог почувствовать идущий от террориста запах, след настолько же характерный, как мозоль на пальце снайпера или вонь пороха, въевшегося в кожу артиллериста. Парень недавно прикоснулся к магии, хотя сам ею не владел. Ни там, на улице, когда стрелял по военному фургону из добытого непонятно каким образом гранатомета, ни здесь, когда корчился от боли, прижимая к ране ладонь. Кажется, он пел псалом.

– Что же вы, отче, наделали? – спросил Роберт. – Что же вы сотворили?

– Сатана, ты обесчестил дом Божий! – Ксендз прервал молитву, глянул на мужчину с ненавистью. – Слуга диаволов, проклиная тебя, проклиная!

Загудели шаги, в коридор вбежали несколько человек, в том числе полицейский, пара пожарников, гражданские.

– Господин, прост... – начал один из них.

– Стоять! – крикнул Роберт. – Стоять! Прошу арестовать этого человека за участие в террористическом заговоре. Там еще – раненый террорист...

– В террористическом заговоре? – повторил один из прибывших, похоже, не в силах поверить в то, что услышал. – Ксендз Марчин...

– Это люди, – продолжил Роберт, – которые напали на

конвой.

– Нех жие Польска! – крикнул ксендз. – Слуги эльфов – вон! Да здравствует истинная Армия Польши!

«Да, да здравствует, – подумал Роберт, – да здравствует проклятая Армия Польши!»

А когда, усталый, вышел из церкви, неожиданно перед носом его появился малый дух эсэмэса 2.0, впрыскивая сообщение прямо в разум. Сильные чары, с приоритетной, шифрованной командой.

Он тотчас должен был вернуться в Варшаву и предстать перед лицом самого Эль-Галада.

Глава 3

Вечер был теплым, но в воздухе чувствовался близящийся дождь. Утихло гудение насекомых, даже птицы приумолкли. Территория казалась безопасной и неперечарованной. Каетан решил, что сегодня он встанет на постой пораньше, едва только найдет защиту от грозы. После нескольких дней интенсивной езды им нужен был отдых, и ему, и Титусу.

Потому, когда он наткнулся на след старого шоссе, что, согласно картам, соединяло Вандлиц и Ораниенбург, он решил воспользоваться случаем. Лес уже давно принял дорогу под свою власть: деревья и трава разрывали асфальт, старые обочины заросли. Временами между стволами и ветками торчали бетонные столбики или металлические палки дорожных знаков, желтел рекламный плакат с облупленной краской.

Каетан решил держаться этого пути, поскольку ехать здесь было легче, чем через натуральный лес. Меньше хвощей путалось под копытами коня, более твердым было подножие, деревья росли реже. Во многих местах из-подо мха и травы еще выглядывали черные ключья растрескавшегося асфальта.

Большую часть старых автострад и обычных дорог, как и прочие следы немецкой цивилизации, поглотила Великая Война. Словно резиновый ластик, при помощи которого ак-

вариумист снимает водоросли со стен аквариума, боевая магия и плановые действия балрогов по уничтожению соскребли с поверхности земли целые города, коммуникационные узлы, энергетические линии. Остальное сделала природа.

Немногочисленные уцелевшие дороги все еще использовали для транспортировки войск и товаров. Но все ключевые пути, ведущие в глубь державы балрогов, были перечарованы. Их охраняли отряды черной армии и мощная магия. Для каждого путника, которого не оберегал соответствующий глейт силы, плоская, ровная и обманчиво безопасная асфальтовая дорога оказывалась дистанцией препятствий более смертельных, чем самый сложный уровень довоенной приставочной игры. Но это позабытое шоссе номер двести семьдесят три казалось безопасным, неконтролируемым магией Черных. Более того, оказалось, что оно может предоставить уставшему путнику достаточно интересные элементы роскоши.

В какой-то момент Каетан высмотрел на обочине два металлических столбика. Подъехал ближе и, не сходя с седла, пригляделся к лежащей на земле табличке. Остатки трехцветной картинки сигнализировали, что поблизости есть заправочная станция. К сожалению, расстояние рассмотреть не удалось.

Он решил ехать дальше. Шанс найти ночлег под крышей, пусть бы и частично обрушившейся, стоил усилий.

– Еще немного, старичок, ты справишься, – пробормотал

он Титусу, включил дальномер и двинулся дальше. Полчаса спустя, когда счетчик показывал почти пять километров, полоса старой дороги расширилась и пересеклась под прямым углом с другой, более узкой. Чуть в глубине, справа, заросшие деревьями, стояли руины заправочной станции. Каетан соскочил с коня, обернул поводья вокруг ближайшего дерева, а сам начал осторожно подходить к строению. Он не думал, что здесь окажутся враги, но нужно было оставаться настороже. В таких местах часто можно было наткнуться на ловушки, поставленные в старые времена – как йегерами, так и людьми. Это могли быть обычные мины или проклятия, а то и просто какой-нибудь примитивный самострел. На старых заправочных станциях стоило следить и за такой прозаической вещью, как отравление земли топливом, вытекшим из емкостей. Высеченная подкованным сапогом искра могла привести к пожару и убить невнимательного путника столь же верно, как и ловушка боевой магии йегеров.

Каетан быстро понял, что подобных проблем не будет, поскольку станция уже когда-то горела. Было это лет двадцать, может, двадцать пять назад, если судить по возрасту деревьев, что росли на старом паркинге и на подъездах к бензоколонкам. Между ними стояли несколько сгоревших машин.

Он остановился, прошептал шепотательное заклинание, выбил пальцами на лбу усиливающий ритм. Минуту прислушивался – или, скорее, вчувствовался, в то время как заклинание плыло между деревьями подобно легкому дуновению

ветерка. Прошло над остатками автомобилей, вползло в здание, облетело паркинг. Вернулось к Каетану, чтобы тихим шепотком рассказать ему, что на станции нет никаких трупов, ни людей, ни животных, но позади, шагах в десяти в глубине леса, находится невысокий холмик земли, поросший травами и мхом, а под ним, тремя шагами глубже, в темноте и влаге, в тишине и забытии, – двадцать скелетов людей, похороненных здесь давным-давно. Лежат они под крестом из двух металлических прутьев, связанных кабелем, а вместе с ними закопана и закрытая банка с листком бумаги. На листке, в двадцати строках, что-то написано.

Столько-то сумело передать Каетану легкое щупательное заклинание, прежде чем развеялось и исчезло.

Мужчина еще раз окинул взглядом пространство станции, а потом вернулся к Титусу. Эту ночь они могли провести в сухом и безопасном месте.

Но настоящая неожиданность ждала его уже в здании. Правда, одна половина того была совершенно уничтожена и разрушена, но вторая, каким-то попусшением судьбы не понесла сильного ущерба во время пожара. Под стеной все еще стояли полки, а на них можно было найти сокровища минувших времен. Были здесь и банки с напитками, и пластиковые пакеты с чипсами, и бумажные – с шоколадками. Конечно, ничего из этого нельзя было есть – все было в гари, пыли, заросло паутиной. Немало упаковок валялось на земле, пакеты были разорваны, пол покрывал слой грязи, что некогда

наверняка была едою, а теперь стала питательной средой для низкой серой поросли. Должно быть, сюда наведывались и животные, о чем свидетельствовали несколько кучек костей и остатки сложенного из веточек гнезда в одном из углов.

Но, несмотря на эти разрушения, старая заправочная станция казалась Каетану истинным сезамом, где он мог хотя бы увидеть реальные следы старых добрых времен.

Но прежде всего он занялся Титусом. Привязал его к барьеру, что во время оно блокировал вход в магазин, под морду коня подставил поскрипывающую и расшатанную тележку на колесах. Среди перевернутых полок он нашел большую металлическую миску – крышку от чего-то, что называлось «садовым грилем», как он вычитал на полустертом ценнике. Положил ее на тележку, насыпал корм.

Вышел из дома и взглянул на небо. Погода портилась, ночью наверняка пойдет дождь. Теплая ночь и ливень – идеальная возможность одинокому путнику вдали от благ цивилизации искупаться, но на этот раз Каетану хотелось большего. Он обошел руины, надеясь, что туалетные помещения пережили пожар. Увы, он нигде не нашел душевой, те, вероятно, остались в уничтоженной части здания.

Пользуясь случаем, он проверил территорию вокруг. На задах станции Каетан нашел еще три автомобильных остова, на этот раз – не сгоревших. У одного была не заперта дверь – хватило дернуть посильнее. В лицо Каетану пахло теплым, застоявшимся воздухом. Он осмотрел салон, открыл багаж-

ник. Внутри лежали чемоданчик и мешок с клюшками для гольфа. И корзина с тремя бутылками вина.

– Не много ли счастья для одного-то дня? – пробормотал он сам себе. Вынул одну из бутылок, протер рукавом от пыли. Это был рислинг, добрый старый эльзасский «Клингельбергер» две тысячи тринадцатого года. Каетан не слишком-то разбирался в винах, а поскольку уже несколько десятков лет по миру не ходили знатоки немецких и австрийских напитков, ему неоткуда было получить знание о тайнах германского виноделия. Но он любил вино и решил, что нынче вечером может себе это позволить.

Каетан спокойно закончил обыск территории, машин и руин станции. Нашел множество действующих предметов, которые, будь они привезены в Польшу, стоили бы немало, пусть даже некогда их производили массово и продавали за сущие гроши. Были это зажигалки, свечи, спички, разного типа лампочки, диски с музыкой и фильмами, карандаши. В маленькой комнатке на задах магазинчика, наименее затронутой пожаром, на полках лежали чехлы, небольшие автомобильные детали: зеркальца, подшипники, фары. Нашел он здесь и несколько по-настоящему ценных вещей – ящики с инструментами с прекрасными наборами ключей, две бензопилы, несколько упаковок с многофункциональными складными ножами, термосы, наборы котелков и даже спальные мешки и складные палатки.

Каетан не мог все это нагрузить на бедного Титуса, но ин-

вентарь склада мог пригодиться другим. Как и содержимое багажников автомобилей – одежда, лэптопы, инструменты. Один из ящиков почти полностью занимал большой телевизор, в другом находилась складная детская коляска. И снова CD-диски, прогнившие книги, а на задних сиденьях, на детских креслах – консоли для игр.

То, что принесло гибель этому месту и смерть столь многуму числу людей, должно было прийти внезапно. Была ли это красная фергелтунговая⁷ туча, материализовавшаяся над станцией и пролившаяся огненным дождем? Или райза йегеров, проникшая в глубь теоретически безопасных территорий? Или внезапное нападение магических насекомых, перепрыгивающих с человека на человека? Станция сгорела лет двадцать назад, но газеты были времен вторжения в Германию, то есть двадцатью годами ранее, напечатанные перед Великой Войной, нынче называемой Затмением. Во времена резни и уничтожения, когда исчез известный и безопасный мир европейцев.

Самым ценным для Каетана и тем, что он решил забрать в любом случае, оказался калькулятор, лежавший в одном из ящиков. Питаемый от солнечных батарей, он все еще работал, если не обращать внимания на чуть западающие клавиши. В свои сумки Каетан упаковал также несколько зажигалок, свечей, мыло и пару многофункциональных перочинных ножей. И два презерватива.

⁷ *Vergeltung* – возмездие, наказание (нем).

«На счастье», — подумал он, поскольку не верил, что их еще можно использовать.

Обыск руин занял у него почти час. За это время начался дождь, потому он посчитал, что самое время отдохнуть.

Но прежде чем вернуться в здание, он направился в заднюю часть станции, прошел между деревьями. Могила была в десятке-другом шагов от бывшего паркинга. После долгих лет, особенно в ночной тьме, никто и не обратил бы внимания на заросший холмик, ничем не выделяющийся из окружающего пространства. Конечно, если бы не крест. Некий добрый человек поставил его годы назад, сделав из двух металлических прутьев, собственно, даже трубок, примерно одинаковой длины. По центру скрепил их несколькими витками толстой изолированной проволоки, вкопал в землю и даже обложил камнями, чтобы крест не опрокинулся. И крест выдержал сорок лет одиночества, почти полвека военных маршей, чудовищ, ходящих бездорожьем, туч магии, несущих смерть, подземных рек, разрывающих ткань мира. Стоял, легко накренясь, оплетенный выюнком, будто он и вырос из этой земли как дерево. Стоял на страже, чтобы после всех этих страшных десятилетий забвения он, Каетан Клобуцкий, мог преклонить колени и помолиться за души умерших, коснуться рукой земли над их телами, прочесть их имена и фамилии из укрытого в закопанной банке листка и понести их в себе. И только-то. Аж столько-то.

Дождь все сильнее молотил по листьям, первые капли на-

чали просачиваться сквозь кроны деревьев и падать на землю. Каетан поднялся и взглянул вверх.

Он молился, но не знал, верит ли в Бога. И наверняка не слишком-то Ему доверял.

* * *

Он проснулся внезапно, посреди ночи. Часы показывали два тридцать семь и восемнадцать секунд. Он успел печально подумать, что ему, увы, снова не приснилась никакая голая женщина, но через миг тело стало перестраиваться в боевой режим. Кто-то приближался.

Все еще дождило, ветер колыхал ветви, издалека доносились приглушенные громыханья грозы. Что-то раз за разом постукивало над головой: наверняка бился о крышу полуоторванный кусок конструкции. Титус тихонько и, пожалуй, спокойно посапывал. И все же кто-то приближался.

Каетан поднялся, автоматически потянувшись к уложенным на привычных – одних и тех же – местах элементам одежды и экипировки.

«Хорошо, что я выпил только одну бутылку», – подумал он, но все равно во рту чувствовал сухость, с трудом сглатывал слюну. Знал, что его организм еще не полностью переварил алкоголь и что ему нужно бы сосредоточиться. Он огляделся. На каждой из уцелевших стен станции загорелся желтым маленький квадратик. Это карточки с охранными

заклинаниями почувствовали пришлецов и разбудили Каетана. Одна начала пульсировать, указывая примерное направление, откуда приближались гости. Они шли ночью и в дождь, а потому либо в беде, убегая от чего-то, либо, наоборот, за кем-то гнались.

Каетан пристегнул кобуры, перекинул через голову пояс с мечом, натянул капюшон. Встал, тряхнул головой. Подошел к Титусу, дотронулся, повел скрещенными пальцами по лбу скакуна успокаивающими ката. Конь не боялся людей, но если пришлецами окажутся слуги Черных, магия могла его испугать.

В два тридцать девять и восемь секунд Каетан вышел под дождь. Задрожал от холода, когда капли ударили по коже. Но радовался, что дождит: балроги и их слуги воду не любили. Дождь – это хорошо.

Каетан концентрировался момент-другой, а потом быстро прошептал заклинание, выдыхая клуб пара. Прокрался к зарослям, что окружали станцию. Не обращая внимания на воду, что лилась с задетых веток, он продирался как можно быстрее в глубь леса. Примерно зная, откуда идут пришлецы, он хотел занять позицию, чтобы сперва спокойно их рассмотреть и понять, представляют ли они угрозу и движутся ли в сторону руин станции.

Брошенное миг назад заклинание начало действовать. Пар не развеивался – наоборот: все еще повиснув у лица Каетана, загустел, наливаясь темным светом. Потом пополз

вниз, по коже и мундиру, удерживаемый невидимой связью с теплом тела. Переполз на спину, сместился к бедрам, все еще чуть поблескивая. Вода собирала воду – когда на оболочку падала капля дождя, то растворялась в ней, истекая паром. Вскоре все тело мужчины было окружено полупрозрачным туманным доспехом, сплетенным из магии и дождя, – аква-раценой. Раздираемый ударами веток, он сразу срастался. От него отрывались большие капли воды, словно Каетан стряхивал их с дождевика, но этот ущерб мигом восстанавливался дождем. Дождь – это хорошо.

Каетан пока не запускал вторую фазу заклинания, после которой нанокадабры превратили бы тончайшую защиту в по-настоящему крепкий водяной доспех. Не хотел активировать на этой территории тяжелую магию, пока не убедится, что это совершенно необходимо.

Он все еще раздумывал, кем могли оказаться пришлецы. Йегеры неохотно ходили под дождем, но могли так поступать, особенно когда их заставляли приказы Владык. Люди, какие-нибудь кочевники, живущие на этих территориях, тоже, скорее, искали бы укрытия в такую грозовую ночь. И не потому, что опасались ослабления своей магии, а просто чтобы не мокнуть. Поэтому, возможно, это экспедиция из Польши – разведчики, купцы, грабители. Он предпочитал быть осторожным: ему стоило избегать контактов даже с союзниками. Чем меньше свидетелей его присутствия здесь – тем лучше.

Он снова заклил дождь, раскидывая вокруг щупальца. Легкие зондирующие чары, перескакивая с капли на каплю и таким образом избегая вражеского пеленга, разлетелись в ночь. Быстро вернулись, неся информацию. Те, кто вторгся, были близко, примерно метрах в пятистах на десять часов по отношению к Каетану.

Он изменил направление, сдержал шаг, желая успокоить дыхание и поймать ритм тела. Рядом со странниками он оказался через несколько минут. Все еще не ощущал частиц чужой магии – ни фагов Черных, ни эльфийских нанокадабр. Конечно, странники могли уже какое-то время и не использовать силы, а дождь хорошо приглушал слабые и частичные чары, наложенные на тела, оружие и инструменты.

Он усилил акварацену. Слой пара, что окружал его тело, загустел, превращаясь в тонкую водянистую поволоку, что все время усиливалась дождем.

Дождь – это хорошо.

Каетан остановился на миг, пригнулся, медленно прошел еще несколько шагов, присел на корточки. Наконец увидел их.

Группка состояла из трех мужчин и одной женщины. Наверняка пришли с востока. У них была приличная амуниция, непромокаемые рюкзаки, прорезиненные ветровки, высокие сапоги, фонари. Оружия не заметно ни у кого. Каетан быстро понял, что это не профессионалы – не военные разведчики, контрабандисты или проводники. Они шумели,

светили фонарями, расходуя столь ценные на пустошах батареи. Не заботились о безопасности, могли стать легкой добычей обычных грабителей или йегеров. Эта полная беспечность странно контрастировала с по-настоящему серьезной экипировкой. Непросто было все это объяснить, разве что...

«Волхвы! – подумал он. – Это долбаные волхвы!»

Они прошли от него шагах, может, в десяти. Были уставшими и озябшими, но решительными. Должно быть, верили, что они недалеко от цели. Теперь он мог присмотреться к ним поближе, к каждому в отдельности.

Вел их мужчина средних лет, с резкими, острыми чертами на изборожденном морщинами лице. Пожалуй, он один не был здесь новичком. То, как ставил ноги на скользком грунте, как подсвечивал себе фонариком, как подстраивал тело под вес рюкзака – когда-то этот человек немало постранствовал, хоть и наверняка не по бездорожью Западных Кресов. На нем была темная одежда, из-под капюшона торчали длинные прядки черных мокрых волос. Щетина говорила, что человек не брился уже несколько дней.

Следом за ним шла женщина. Невысокая, приземистая, она несла лишь небольшой рюкзак, зато в руках держала не фонарь, а небольшой рефлектор, режущий темень леса золотым снопом света, искрящегося каплями дождя. Мокрые волосы ее тоже вылезли из-под капюшона на щеки, касаясь больших черных знаков, подобных рунам йегеров. В губах ее торчали гвоздики, три в нижней, четыре в верхней, так

что в свете фонарей рот женщины казался пастью некоего глубинного монстра. Головки гвоздиков тоже были украшены рунами.

Идиотка! Но Каетан слишком хорошо знал, что наивность – это лишь один из грехов волхвов, да и к тому же не самый опасный.

Ощутил он и свежую кровь – татуировки и пирсинг были не старше небритого подбородка проводника, женщина наверняка сделала их после того, как перешла границу Польши.

Третий путник, худой юноша примерно возраста Каетана, был без капюшона, а потому географ мог видеть его бритый череп, тоже покрытый узорами, которые, с точки зрения их владельца, наверняка имели магическое значение. Этот тащил самый тяжелый рюкзак с притороченной снизу картофелиной упакованной палатки.

Последний волхв сильнее прочих укутывал лицо, так что из-под капюшона торчали только длинный горбатый нос и солидные усища. Губы мужчины двигались: он пел. До Каетана долетали лишь фрагменты слов, заглушаемые однородной перкуссией дождя и шумом леса, но и этого хватило, чтобы узнать песню. Черный, медленный ритм призыва силы и покорения балрогам. Гимн человеческих ренегатов, тех, что по-русски звались волхвами.

Большая часть культистов – всего лишь экзальтированные идиоты, ищущие сильных эмоций. Обычно молодежь,

из мест, где никогда не сталкивались с истинной силой Черных и для кого Великая Война четыре десятилетия назад была только историческим фактом. Соблазняемые одержимыми пророками, начитавшись старых сатанинских книг, они создавали секты и почитали балрогов как воплощение зла. Редко когда становились опасными, разве что владели остаточной магией или обладали настоящими артефактами Черных – фрагментами оружия, тел или хотя бы горстью земли, пропитанной злыми проклятиями во время битв. Артефакты меняли их тела и разумы, заставляли поступать жестоко. К счастью, большая часть таких людей, когда их отрезали от влияния гуру и черной магии, хорошо поддавались ресоциализации.

Опасней были настоящие предатели, расшатывавшие порядок, установленный эльфами, и ищущие на западе поддержки своим действиям. Шпионы, саботажники, агенты влияния, убийцы. Они представляли реальную угрозу в центральной Польше, но особенно опасными оставались в западных, еще не окончательно усиленных воеводствах, где еще шла невидимая война. Королевская контрразведка преследовала их и безжалостно уничтожала.

Ну, а этих – просмотрела! Каетан подумал о своем приемном отце, полковнике контрразведки Второго отделения Генштаба.

Люди, которых он видел, могли быть искателями артефактов, но не казались опытными поисковиками. Потому более

вероятным казалось другое: волхвы хотели добраться до территорий, контролируемых Черными, принести клятву обожествляемым хозяевам. Отдаться им на службу и испытать честь общения с балрогами.

Идиоты! Долбанные идиоты!

Каетан еще усилил свою акварацену, теперь шел всего в нескольких шагах за колонной путников, оставаясь невидимым.

Он не мог позволить, чтобы волхвы добрались до крепостей йегеров на западе. Эти кретины не знали, что встреча с их богами будет состоять из акта жертвоприношения. Жертвами же окажутся они сами, а йегеры умеют убивать множеством ужасных способов. Нет, Каетан не слишком-то жалел ренегатов – ну, может, девушку, чуть-чуть, поскольку каждая женщина казалась ему ценной и достойной жизни. Однако эти люди представляли собой угрозу, даже если не несли в памяти никаких ценных разведданных, а разумы их не могли открыть балрогам важные военные сведения. Они могли представлять угрозу для своих родственников, поскольку вообще имели память и чувства, что перед смертью будут отсканированы и выжаты на предмет мельчайших частиц информации о Польше. Йегеры умели это делать, о да, могли удерживать человека в многомесячной спячке страдания и выкачивать мозг – клетку за клеткой – ради любого обрывка информации, картинки, запаха, чувства. А потом из этого они выстраивали магические карты, нанося положения до-

мов и деревьев, фабрик и костелов, точек силы и военных крепостей. И картограммы нематериальных явлений и зависимостей: водных течений, людских взаимоотношений, сети бизнес-связей, потоков налички, эмоциональных связей. Все эти данные могли в будущем помочь при подготовке нападения – как обычного, так и магического или псионического.

Открытый к услужению, готовый принести клятву, знающий других ренегатов волхв мог доставить балрогам куда больше ценной информации, чем схваченный во время битвы солдат Речи Посполитой, обученный ставить ментальные блокады, или отважный и религиозный искатель артефактов, который из неосторожности слишком глубоко проник в западные земли.

Будь Каетан с другой миссией, он наверняка искал бы решений получше. Может, арестовал бы волхвов и доставил их к Одеру 2.0, чтобы передать контрразведке. Одни из них попали бы в тюрьму, другие – на психологическую ресоциализацию. Возможно, он использовал бы какие-то гипнотические заклинания, которыми принудил бы путников вернуться. Но здесь и сейчас для такого не было времени, и он не мог вызвать слишком сильное извержение нанокадабр.

Ускорил шаг, опередил их колонну, встал так, чтобы они проходили мимо него.

Только теперь выпустил пеленгующее заклинание посильнее. Оказалось, что у проводника было оружие: пистолет, скрытый в кобуре под мышкой. Остальные несли только но-

жи, причем клинок лысого был покрыт магическими знаками. Никто из путников не обладал настоящей силой. Это упрощало дело.

Он вышел им навстречу. Жестом левой руки снял магическую завесу, разбрызгивая акварацену так, чтобы струя воды пролилась на землю. В правой держал «глок».

Проводник увидел его, может, шагах в трех перед собою. Глаза волхва расширились, рот распахнулся в крике. Попытался отпрыгнуть в сторону, одновременно потянувшись рукой за отворот куртки – за пистолетом.

Пуля ударила его в лоб.

Только теперь женщина начала кричать. Почитала владык страха и тьмы, но сама не была отважной. Готовилась ко встрече с балрогами, а запаниковала при виде человека.

– Стоять! А не то всех убью! – крикнул Каетан, а зачарованные капли дождя усилили его голос. – Ни с места! Свет вниз! Понимаете по-польски?!

Понимали, поскольку выполнили его приказ. Лучи фонарей теперь освещали мокрую землю и ноги людей.

– Пограничная служба Польского Королевства! – соврал он. – Вы останетесь здесь! Похороните его! Утром отправитесь на восток! Оставьте ваш багаж, за исключением еды! Вернетесь на линию Одера и перейдете в Речь Посполитую. Это пять дней дороги, справитесь. Я буду за вами следить. Если не выполните моих требований – будете убиты. Все поняли?

Тишина.

– Поняли?!

– Да, поняли, – сказал лысый. – Ты не можешь...

– Вы – ренегаты, которые находятся на военной территории! – оборвал его Каетан. – Вы будете убиты, если не оставите своих вещей! Будете убиты, если пойдете на запад! Будете убиты, если его не похороните! Поняли?!

– Поняли, – повторил лысый.

– Отойти на пять шагов! – Каетан присел над телом проводника, перевернул его навзничь, расстегнул молнию штормовки. Пытаясь отстегнуть кобуру, чуть наклонился, на миг опустил взгляд. Татуированный лысый кинулся вперед. Толкнул стоящую перед ним девушку на Каетана. Та пискнула испуганно, безвольно полетела вперед с широко раскинутыми руками. Сам лысый потянулся за висящим на поясе длинным ножом. Каетан отскочил в сторону. Толкнул световой импульс – узкий поток молочно-белого сияния, ударивший прямо в лицо лысого. Снова грянул выстрел. Женщина, рыдая, стояла на коленях на земле. Третий мужчина застыл неподвижно, вскинув руки вверх.

– Я не... я не... – повторял он.

Каетан поднялся, водя стволом между двумя волхвами.

– Похороните два тела! Утром отправитесь на восток! Понятно?!

– Да. – Усач выдохнул, явно успокоенный.

– Если не выполните моих приказов – убью вас.

Он склонился над проводником, наконец достал его оружие.

– Убью, – повторил и исчез в темноте и дожде.
Дождь – это хорошо.

* * *

Утром он нашел здесь только два тела, закопанные в неглубокой могиле и прикрытые ветками три набитых рюкзака. Поставил на могиле крест из кривых веток и отправился дальше на запад. Уже не дождало.

Глава 4

Двери купе невозможно было прикрыть. Роберт рванул раз-другой, а потом оставил это, чувствуя на себе взгляды остальных пассажиров.

– Не напрягайтесь так. – Старик старательно сложил газету и всматривался теперь в Роберта сквозь оправленные в черное дерево очки. – Не работают. Немного шумно, но зато не душно.

– Ага, понятно. – Роберт с благодарностью принял этот жест понимания и перестал морочиться с дверью.

Занял место у окна. Старик еще некоторое время внимательно глядел на него, ожидая, возможно, продолжения беседы. Но тщетно, поскольку Роберт тяжело опустился на сиденье и прикрыл глаза. Мужчина потерял к нему интерес, медленными движениями развернул газету, словно та была бесценным манускриптом, а не куском переработанной бумаги, и углубился в чтение. Остальные пассажиры, выбитые появлением Роберта из дорожного ступора, теперь снова в ступор этот погружались. У дверей сидела худощавая женщина лет сорока – а может, и пятидесяти – с ровно зачесанными и стянутыми в короткий хвостик волосами. Напротив нее дремал юноша в толстых шерстяных штанах и клетчатой фланелевой рубашке. Похоже, не мог дожидаться холодных дней и решил приблизить приход зимы, одеваясь слишком

тепло. Рядом с элегантным любителем прессы сидел ксендз в черной сутане, лысеющий, с седыми волосами, гротескно зачесанными с затылка. На коленях он держал открытую книгу в твердой обложке, но не читал ее. Прикрытыми глазами всматривался в иконку, висящую на противоположной стороне купе, а на самом деле находился в том характерном для путешествующих состоянии кататонии, что выключала их из мира и позволяла бродить в мыслях, ассоциациях и полуснах.

Роберт сперва тоже намеревался подремать, подозревая, что в ближайшие дни у него не найдется для такого достаточно времени. Но через минуту-другую, когда, как он полагал, остальные пассажиры уже смирились с фактом его присутствия в купе и перестали обращать на него внимание, открыл глаза и выглянул в окно. Соседние пути были свободными, на следующих стоял локомотив с короткой цепочкой грузовых вагонов. Потом еще двое пустых путей и – древнее здание вокзала. Не слишком броский барак из крашенного в зеленый цвет дерева не выглядел как главная перевалочная станция воеводства. Здесь планировали построить более солидное здание, чтоб заменить сожженный во время налета старый вокзал, но, как обычно, временное строение оказалось устойчивей замыслов людей, и деревянный сарай за без малого десять лет принял тысячи пассажиров.

Роберт перевел взгляд на стоящий на соседних путях локомотив, мощную черную машину модели «РТ-2018». Па-

ровозы снова стали важны лет тридцать назад, когда взорванные трубопроводы перестали поставлять Европе нефть. Счастливая Польша имела уголь, а инженеры разработали весьма экономные версии котлов, работавших на брикетированной древесине.

А уж леса у нас не переведутся, подумал Роберт, понимая, что восторг от паровозов – это детский атавизм, что сидит в душе большинства мужчин. Мечта о силе и мощи плененной физики, впряженной в арифметику расписания поездов и в геометрию системы рельсов. Это желание контроля и доминирования, когда движением стрелки, переводом рычага, изменением графика можно управлять тысячами пассажиров, миллионами тонн товара, человеческими судьбами и благосостоянием стран.

Демон движения⁸ – через сотню лет из архивов извлекли Грабинского и теперь внимательно вчитывались в каждую его фразу. Железнодорожные пути прокладывали согласно новейшему военному искусству так, чтобы стальные рельсы не только соединяли важнейшие из городов Польши, но и создавали на земле мощные знаки. Металлическая сеть связывала территорию Речи Посполитой уже не просто в переносном смысле – рельсы стабилизировали географию как гигантские куски пластыря. А расписание движения, тактированное эльфийскими магами, укрепляло биологические рит-

⁸ «Демон движения» – один из наиболее известных рассказов Ст. Грабинского, писателя-визионера и родоначальника литературы ужасов в Польше.

мы природы, возбуждая охранные частоты в эфире для всей Средней Европы.

Только теперь Роберт заметил, что на путях перед локомотивом скачут трое воробьев. Присаживаются то на один, то на другой рельс, перепархивают, гоняются друг за дружкой, взмахивают крыльями, топорщат перышки. А над ними вырастает стальное чудовище: голова локомотива, черный снеговой отвал. Воробьи продолжали прыгать – играли или дрались, – не видя, что рядом ожидает левиафан, который может их раздавить, даже не заметив.

Не похожи ли на этих воробьев и мы сами? Строим, организовываем, гоняемся, живем, поскольку не понимаем, что за чудовище стоит напротив нас. Оно еще спит, еще не показало свою мощь, а потому нам кажется, что мы сумеем от него сбежать. Но ведь даже если и сбежим, все равно не сумеем свергнуть его власть. Ну, воробышки, бегите!

Птицы, конечно, не переживали так. Перелетали с рельса на рельс, то приближаясь к паровозу, то отскакивая, занятые своими делами. Пока локомотив не фыркнул, заскрежетал, выпустил клубы пара. Тогда они одновременно поднялись с земли и полетели к зданию вокзала – может, в поисках очередного противника для воробьиного озорства. Стоящий же на соседних путях состав вздрогнул, перед глазами Роберта замелькала цепочка товарных вагонов. Они ехали на запад, к рубежам польского государства и мира людей.

Роберт следил за поездом, а мерный ритм движущихся

платформ успокаивал его, позволял вернуться к делам более важным. Отчего же его вызвали так внезапно?

В Кавенчин он прибыл вчера вечером. Тот должен был стать последней остановкой на пути инспекции. Скудная, но необходимая недельная служебная поездка приближалась к концу. Роберт Гралевский инспектировал военные склады, проверяя их готовность, степень обеспечения, правильность ведения документации. По крайней мере – официально. Нынче он должен был заняться складами автомобильного оборудования в Гостыне, где находилась большая транспортная база. Завтра же ему нужно было приехать в Яроцин и провести там целый день в штабе 4-го Кавалерийского эскадрона, согласно приказу инспектируя тылы механизированных отрядов. Конечно, все это было лишь прикрытием, оказией для встречи с агентами, действующими в этих местах. К тому же ситуация со старокатоликами... Но утром он получил приказ возвращаться в столицу и явиться в Генеральный штаб, приказ, подписанный начальником объединенных армий, гетманом Эль-Галадом, опекуном и непосредственным начальником Каетана. Дело было серьезным.

Потому он отложил визит в часть, и ему удалось успеть на утренний поезд в Варшаву. Но он не сумел предупредить о выезде поручика Гжегожа Вонтпиоловского, встреча с которым была истинной целью его визита в Кавенчин.

Он даже представить себе не мог причин этого внезапного

вызова. На территории, находящейся под его контролем, было довольно спокойно, вчерашнее покушение было первым чуть ли не за три года. В последнее время удалось даже замирить несколько ортодоксальных групп. Встреча, на которую его вызвали, готовилась в резиденции Эль-Галада. Роберт был там несколько раз, второстепенным участником на совещаниях своих командиров, как адъютант Мокошинского. Зашифрованная телеграмма с вызовом, подтверждающая эсэмэсное поручение, была доставлена военным курьером из делегатуры правительства, а не из части. Роберт получил документ, прочитал сообщение, подтвердил, что понял, и тогда магическая бумага распалась в пыль. Роберт должен был безотлагательно, ни с кем не контактируя, возвращаться в Варшаву. Ему даже запретили пользоваться сетью или магическими эсэмэсками.

Случилось что-то странное и важное.

Когда поезд тронулся, Роберт встал, снял с полки плащ, приложил его к стене купе подле окна, уткнул голову, закрыл глаза. Мерный ритм поезда быстро его усыпил. Снились ему старые путешествия и битвы. Времена, когда Каетан с ним разговаривал.

Пятью часами позже он был уже в Варшаве. Военный паромобиль забрал его с вокзала и повез напрямик к резиденции штаба, на встречу с самим гетманом.

Эль-Галад для эльфа был скроен крепко. Даже его портной, похоже, не до конца это уловил: мундир кавалериста на теле гетмана казался чуть тесноватым. Двухметровый, с широкими плечами, большими мясистыми ладонями, Эль-Галад наверняка не вызывал восторга у эльфийских судей элегантности и не был любимчиком дам. Впрочем, он не обращал на это внимания. Напротив, он, казалось, почти нарочито оставлял без внимания новейшую моду и старые обычаи. К тому же стригся под ноль, так что остроконечные уши выразительно торчали в стороны. На пальце он носил одно платиновое кольцо.

С десяток-полтора лет тому назад атлантические океанские крепости были атакованы стаей огромных и весьма сообразительных монстров, выведенных балрогами и названных амеботами. В битве с ними принимали участие американские стратегические бомбардировщики с гренландских баз и польские подлодки при поддержке нереид. В теле одной из убитых и исследованных после тварей обнаружилось платиновое кольцо. То самое, которое в феврале тысяча девятьсот двадцатого года генерал Халлер бросил в море в Пуцке как знак обручения Польши с Балтикой. Нет уже Гданьска, по сути, исчезла и сама Балтика, после гибели Скандинавии соединенная с Атлантикой. Но созданное гданьчанами

кольцо сохранилось. Эль-Галад, главнокомандующий польской армией, великий коронный гетман, счел это счастливым предзнаменованием. Передал все родовые тотемы в полевой собор на улице Длугой в Варшаве, сам же надел кольцо и повторно обручился на верность с Речью Посполитой.

Только лицо Эль-Галада однозначно указывало на его принадлежность к расе эльфов. Правильные, хотя и резковатые черты, темно-синие, почти черные глаза, ровная линия идеально белых зубов, гладкая кожа. От ран и ожогов, которые он получил в бесчисленных битвах, не осталось и следа. Гетман оставил себе лишь один шрам – длинную белую полосу, пересекавшую лоб и по правому виску спускавшуюся на щеку. Память об ударе, нанесенном польским солдатом, поручиком Каролем Кенджерским на третий день после Пришествия. Знак пролитой крови, символ непонимания, страха и отчаянной отваги.

Гетман не носил ринграф, но, как говорили, изображение Богоматери Ченстоховской было вытатуировано у него на груди красками, полностью состоящими из нанокадабр. Многие полагали, что, когда Эль-Галад ведет армию в бой, он бессмертен в броне благословения. Другие верили, что когда он гибнет, то тотчас возрождается в новом теле, творимом из магических частиц. Ортодоксальное подполье старокаатоликов считало его дьяволом. Раскольники епископа Пренчевского полагали его ангелом.

Роберт как-то видел, как Эль-Галад жестом руки опроки-

нул половину йегерской армии.

Но сейчас гетман вовсе не выглядел ни клоном Ахиллеса, ни полубогом, ни посланником ада – скорее, сконцентрированным менеджером, у которого впереди – серьезная дискуссия с подчиненными и начальством. Стоял он под экраном для слайдов, глядя в сторону двери на другом конце конференц-зала. Входящие гражданские кланялись, а солдаты отдавали честь, искали карточки со своими фамилиями и занимали места за серым столом. Рядом с визитками были квадратные пробудительные подставки. Во время длинных совещаний собравшиеся могли их активизировать, чтобы искусственно убрать усталость и поддержать активность. На столе стояли бутылки с напитками, а еще термос с кофе для любителей более традиционных решений. Черные кресла, такие же тяжелые и солидные, как и стол, с широкими поручнями, с вырезанными растительными мотивами, были выставлены изумрудной, теплой на ощупь, пластичной массой, что всегда эргономично подстраивалась под тело сидящего. Стены помещения были выкрашены однотонной желтой краской, но всякий входящий ощущал фосфоресцирующие магией узоры нанокадабровых заклинаний, совершенно закрывавшие зал для внешнего мира. Над головами собравшихся вращались два вентилятора, чьи лопасти тоже покрывали рунные системы: благодаря круговым движениям лопасти создавали вокруг зала охранный кокон. В полумраке порой удавалось приметить светящийся многоцветный туман рас-

пыленных нанокадабр, что, словно дымка, охватывали помещение.

По полу ползали три меморские черепахи, что должны были запомнить каждое слово совещания. Привезенные из мира эльфов четырехлапые, плоские, защищенные панцирем магии тверже алмаза – они регистрировали образ и звук, а еще чувства, псионические эманации, пульсацию аур.

Никто не предполагал присутствия шпионов здесь, в северной башне Пекина⁹, но, как знал Роберт, встреча в одном месте такого числа эльфов, одаренных магической силой, могла быть отслежена балрогами на расстоянии.

Последними в зал вошли четверо эльфов и пятеро людей, из которых Роберт знал лишь некоторых. Эль-Галад подождал, пока те займут места, наполнят чашки кофе, разложат свои блокноты. Наконец он и сам уселся во главе стола. Кресло, как и мундир, казалось маловатым для него.

– Приветствую вас от имени короля и Речи Посполитой. Вы были вызваны по делу наивысшей важности, которое касается безопасности державы. Встречу мы начнем с короткой презентации, подготовленной отделом анализа. Прошу, господин майор Жетецкий.

Свет в зале пригас, зато осветился экран, а на нем появилась актуальная компьютерная визуализация спутниковых

⁹ Пекином в Варшаве иронично называют Дворец Культуры и Науки, построенный в 1952–1955 гг. сталинскими инженерами (по аббревиатуре польского названия здания: PKiN – Pałac kultury i nauki); в довоенной Варшаве так назывался и большой доходный дом, в котором располагались бордели.

снимков Европы. Континент вот уже пять лет как оставался почти стабильным, если не считать довольно быстро удаляющихся к северу Скандинавских островов, остатков бывшего полуострова. Атлантика соединилась с Балтикой, что теперь была лишь океанским заливом. Остальная часть континента находилась примерно в том же состоянии, в котором его оставила война двадцать второго года. Виртуальная камера начала наезжать на центр континента, бывшую Среднеевропейскую равнину в окрестностях того места, где перед наше-ствием находился немецкий город Брауншвейг.

– Приветствую уважаемую аудиторию. Наши спутники семь лет назад доставили довольно интересные данные из этого региона. Это еще Марка, но Завесы там уже задернуты, и теперь возникают новые Горизонты Событий. Во-первых, там мы зарегистрировали странные эмиссии, в том числе и миазм умирающего балрога, но слабый, уже угасший. Согласно нашим расчетам, смерть могла наступить двадцать – двадцать пять лет назад, уже после северной войны. Но тогда загоризонтный хаос все еще был настолько силен, что мы не смогли этого зарегистрировать. Во-вторых, Черные вели там инженерные работы. Вот снимок тех мест. На экране вы видите район со стороны примерно в пятьдесят километров. Семь лет назад Солнце было в конъюнкции с Рыбами, а Меркурий входил в тень Юпитера, завесы Горизонтов разошлись, и нам удалось сделать относительно удачный снимок с неплохим разрешением, до двух километров. Потому все

прекрасно видно! – Майор Жетецкий, похоже, был в восторге от своей работы, а возможность поделиться ее результатами с уважаемой аудиторией наполняла его явственной радостью.

Роберт не сумел различить на экране чего-то, кроме невнятных линий и пятен разного оттенка серого, но лектор явно ориентировался в этой белиберде лучше, чем на печатной карте Варшавы. Обслуживаемые NASA спутники из ясеневоего дерева и мифрила – насколько знал Роберт – снимков не делали, просто измеряли линии силы, поля магии, зоны биологической активности. Но Свободному Миру этого хватало для получения той степени превосходства, чтобы сдерживать агрессию балрогов в Европе и Америке.

– Увы. Потом Завесы опустились, а Горизонт снова сомкнулся. Охрана этой территории усилилась. Мы потеряли контакт, и вот уже четыре года у нас нет оттуда никаких данных. Прошу, вот разница. – Майор Жетецкий взволнованно повысил голос, а на экране возникла еще одна картинка, состоявшая из серо-бурых узоров. – Невероятно, да?

Роберт мельком осмотрел помещение. Но либо он не дорос до такого общества, либо все остальные, включая Эль-Галада, прекрасно маскировали сосредоточенными лицами свое непонимание темы.

Но вдруг и Роберт заметил разницу – в средней части снимка вместо путаницы линий появилось большое серое пятно, прямоугольник с неровными краями и закругленными

ми углами.

— Вот уже несколько лет мы ведем интенсивное строительство на Марсе, а NASA работало над новым типом спутника. Мы подключили систему три недели назад, ушло на это немало сил и тяжелого труда робинзонов, но на миг мы снова поймали их с орбиты. Балроги что-то построили. Мы не знаем что. Для охраны этой территории от спутниковой разведки они используют сильную магию, одновременно применяя иллюзорные заклинания. Балроги не могут полностью замутить наши наблюдения, а потому пытаются сделать вид, что они охраняют эту территорию, но не больше, чем прочие свои тайные места. Однако мы знаем, что это для них — очень важный объект. Мы зарегистрировали и усиленный трафик из этих мест к Геенне.

Майор Жетецкий замолчал. Установилась минута тишины, а потом слово взял неизвестный Роберту эльф. Когда он начал говорить, взглянул на Роберта, и тот внезапно понял, что вся эта встреча организована для него. Только и исключительно.

— Увы, в последнее время снова возникли проблемы. — Эльф говорил высоким, почти писклявым голосом и так медленно, словно перед каждым словом раздумывал, какое выражение и в какой грамматической форме нужно сейчас использовать. А может, он и правда лишь недавно научился говорить по-польски — или, возможно, эта точность в формулировках возникала от характера дела, которым он должен

был заниматься. То есть от разведки. — Завесы уплотнились, Горизонт теперь стабилен. Наши спутники утратили эту территорию. Новая информация не приходит. А инвестиция эта охраняется врагом очень тщательно. И мы делаем вывод, насколько она важна. Но мы не понимаем, отчего они делают это так близко к границе, куда — пусть и с трудом — мы можем добраться, а не в глубине Геенны. Мы полагаем, что тут возможны две причины. Они строят наступательную систему, например, новые метатели, и хотят быть недалеко от территории Королевства. Или сооружают это там, поскольку у них нет другого выхода. Возможно, они открыли нечто, что нельзя передвинуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.